

Т.В.Шмелева

КУЛЬТУРА ЧТЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА МЕДИЙНОГО¹

В статье рассматривается понятие культуры чтения, которое в историческом плане выявляет фигуру читателя в трех ипостасях: человек читающий, человек информационный, человек медийный. Утверждается, что культура чтения представляет собой сумму культур: церковно-книжной, литературно-книжной, газетной, журнальной, интернетной. Отмечается, что формирование читателя происходило по-разному в разные эпохи, при лидерстве разных сословий и развитии разных форматов периодических изданий. Современная медийная культура аккумулирует все более ранние культуры, обеспечивая их доступность читателю, располагающему свободой в выборе источников информации и их содержания. Подчеркнута роль университета и церкви в поддержании разносторонней культуры чтения молодежи.

Ключевые слова: культура, чтение, книга, газета, журнал, интернет, читатель, визуализация, видеократия, человек медийный, медиатизация

Высказываний о чтении / нечтении наших современников, особенно молодых — великое множество, и общий их пафос отрицательный: не читают! Вот одно из таких высказываний: «книжная культура у нас ... под угрозой. Вы не обратили внимание, насколько меньше стало людей с бумажными и даже электронными книгами в том самом московском метро? Вы не слышали, как издатели отмечали падение тиражей задолго до последнего «кризиса», назовем его так?» [1]. Конечно, мы слышали сетования издателей и другие высказывания приблизительно такого содержания. Но чтобы присоединиться к ним и встать на такую позицию или отвергнуть ее, необходимо внимательно рассмотреть проблему с разных сторон, и прежде всего в историческом аспекте. Такая попытка и составит содержание этой статьи.

Для рассмотрения обозначенной проблемы кажется важным опираться на понятие *культура чтения*. Изучение культуры чтения, складывающейся и поддерживаемой в обществе, или читателеведение выявляет историю формирования читателя [2], такие современные феномены, как, например, мода на чтение, читательская мода [3]. Поскольку оно развивается в рамках книговедения, то имеет в виду чтение исключительно книги и преимущественно художественной книги.

Книжная культура в славянском мире, фундамент которой заложили наши первоучители Кирилл и Мефодий, формировалась столетиями. Практически до XIX века она была культурой избранных, или, современно выражаясь, элитарной. На первом месте в этой культуре стояла церковная книга как носитель сакральных смыслов. Чтение при этом предполагало глубокое погружение в книжный текст, многократное к нему возвращение, чтение избранных мест в определенное время. Такая книжная культура не знает сенсационных новинок, а книга в ней — предмет любовного и бережного хранения, сокровище, она передавалась по наследству, читалась многими поколениями служителей одной церкви или читателей одной семьи.

Читатель и часто одновременно обладатель книги письменно фиксировал свои права (владельческая запись), писал на полях — у него была собственная «партия» в книжном диалоге. Чтение небольшого количества книг в течение всей жизни, постоянное возвращение к прочитанным фрагментам — всё это вполне соответствовало цикличности христианского мировосприятия, в соответствии с которым каждый год проживается как жизнь Христа. И одновременно в таком восприятии было ощущение вечности этого циклического движения — по формуле «присно и во веки веков». В XIX веке был период массового печатания Библии на русском языке эта культура, казалось, станет общенародной, но этого не произошло [4]. Лидером чтения оставалось духовенство, а инициатором и организатором образования, главной целью которого было приобщение к чтению, — церковь.

Множественность читательских культур начинает формироваться в XVIII веке, когда появляется светская книга, газета и журнал как новые объекты чтения. Это и означало усложнение понятия культуры чтения, его мультипликацию и дифференциацию.

Стало понятно, что в зависимости от того, что читается, надо говорить культурах чтения — книжной, газетной, журнальной. Этот ряд культур чтения не только демонстрирует историю появления все новых «читаемых объектов», за ним стоят различные типы читательской деятельности, разные отношения к тексту и разные отношения с текстом.

Формирование множественной культуры чтения — сложный культурный процесс, сопровождавший

¹ Основу данной статьи составил доклад автора «Книжное и клиповое мировосприятие» на конференции «Церковь и СМИ: традиции и инновации» в рамках регионального этапа XXIV Международных Рождественских образовательных чтений и областного праздника просвещения, образования и науки «Ярославов день 2015», состоявшейся 5 декабря 2015 г. в НовГУ. Отдельные положения изложены в статье «Миг для книг» (Новгородские ведомости. 16.12.2015; URL: <http://novved.ru/mneniya/39038-mig-dlya-knig.html>)

поиски жанров литературы, форматов журналов и газет. Так, «Московский журнал» Н.М.Карамзина (а это 1791—1792 гг.), на страницах которого он печатал фрагменты «Писем русского путешественника», «обращался к аудитории, которую еще предстояло создать» [5]. И рассуждая об успехе «Писем...», Ю.М.Лотман заключает: «Карамзин создал не только произведение, но и читателя» [6] — читателя, настроенного не только на извлечение их текста сведений, но и получение особого удовольствия, которое мы сейчас называем художественным, эстетическим. В читательском поведении появились и новые моменты: он покупал не только готовую книгу, но и оплачивал еще не изданный журнал — становился, как тогда говорили, субскрибентом [7], или, как теперь обозначается эта читательская роль, — подписчиками.

Новые читательские культуры не исключают культуры книжно-церковной, обогащают практику читающего человека и формируют читающую публику с ее разнообразными запросами, интересами, вкусами. При всей их новизне новые читательские культуры сохраняли уже выработанное отношение к книге: любимые томики стихов, дорогие романы, научная и энциклопедическая литература бережно хранились в домашних библиотеках, составляя ценную часть предметного мира читающего человека. В целом можно сказать, что тогда сформировалась литературно-книжная культура, обеспечившая литературоцентризм русского образованного общества. И она не была только книжной, журналы, появившиеся в XVIII веке, позднее стали важнейшим фактором литературной жизни и предметом читательского интереса. Но важно отметить, что и книга, и журнал относились преимущественно к художественной литературе. Поэтому культура чтения оставалась преимущественно литературной.

По мере распространения культуры чтения происходили парадоксальные явления: с одной стороны, она становилась все более массовой, выходила за рамки дворянского сословия (лидерами чтения становились разночинцы), а — с другой, упрощалась, читательские вкусы становились непритязательней. Точнее будет сказать, что читающая публика становилась разной: и обладатели высокого литературного вкуса находились в ней вместе с любителями самого простого чтения. Когда мы говорим о культуре чтения XIX века, очень важно не преувеличивать уровень культуры чтения, который часто приводят в пример современным читателям. Конечно, в этом веке творили великие писатели, но думать, что чтение их произведений занимало всех их современников — опрометчиво. Недаром же в «Мертвых душах» появляется особый тип читателя — чичиковский лакей Петрушка, который «имел даже благородное побуждение к просвещению, то есть чтению книг, содержанием которых не затруднялся: ему было совершенно все равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, — он всё читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался» [8].

XX век вносит в культуру чтения радикальные изменения. Прежде всего, число читателей вырастает неимоверно (вспомним масштабную кампанию советской власти по ликвидации безграмотности, оставившая в русском языке словечко «ликбез»). Когда наша страна объявила себя самой читающей в мире, читали газеты, журналы и книги, издаваемые миллионными тиражами. Появился читательский азарт — кто больше прочтет, появилось выражение «глотать книги» — на первый план вышла скорость чтения книги, часто в ущерб постижению ее содержания. Книга перестала вызывать трепет, ее можно было и «зачитать».

Но что предложено было читать новым читателям? Конечно, культивировалось почтение к русской классике, значит, литературно-книжная культура предыдущего века оставалась в центре культурного внимания общества, остававшегося литературоцентричным. В этот ряд ставились и произведения актуальной советской литературы, которые проходили через фильтры соцреализма и текущих партийных установок.

При этом настойчиво рекомендовалось чтение политическое — прежде всего газет и журналов, где излагались «единственные верные» оценки актуальных событий и явлений. Подписываться на такие издания входило в обязанности советского человека: комсомольцы должны были подписываться на «Комсомольскую правду» (кажется, они ее читают до сих пор), члены партии — на «Правду», пионерам родители выписывали «Пионерскую правду». Так формировалась культура политического чтения, и здесь можно не использовать слово «книжная» — газетами и журналами она практически исчерпывалась. Так книга перестала быть монопольным объектом чтения.

Один из важных моментов, о котором сегодня забывают в спорах о чтении: из читательского оборота была полностью исключена церковная и вообще религиозная книга, то есть «миллионы читателей» были отброшены от книжно-церковной культуры, формировавшейся веками. Так что читательская культура не только расширялась, но и «редактировалась» — допускалось дозволенное, в рамках которого и происходила «формовка советского читателя» [9].

Чрезвычайно важно то, что в XX веке книга утрачивает и культурную монополию: у нее постепенно появляются конкуренты в виде кино, радио и телевидения. Это означает, что на смену культуре чтения приходит информационная культура, которая предполагает разные способы получения информации — не только с помощью глаза, но и уха; да и глаз уже имеет дело не только с буквенной графикой, но визуальной информацией — будь то картинка кино или телеэкрана, которая прочитывается иначе, чем линейный текст. Лучшей характеристикой человека становится прилагательное «информированный», а информированным можно было не только в литературе, но и в политике, и в кино. С конца прошлого века говорят о визуализации культуры, о власти картинки, или видеократии [10].

Итак, к концу прошлого века книга оказалась не единственным средством получения информации, она существовала в условиях конкуренции с радио, телевидением, кино. Визуализация культуры, появление

электронных средств связи формировали из человека читающего — человека информационного, иначе говоря, на смену культуре чтения приходила культура нового информационного поведения с возможностью выбирать канал связи и характер информации.

Завершает этот процесс уже фактически в текущем столетии быстрым распространением компьютерной техники и Интернета. Казалось бы, Интернет не внес в культуру чего-то принципиально нового: увеличилась скорость передачи информации, ее объем, соединилась информация графическая, звуковая и видео. Но для отдельного человека, имеющего доступ к новым информационным технологиям, перемены стали разительными: самая разнообразная информация оказалась буквально у него в руках по первому требованию (клику), доступность возросла, как теперь говорят, в разы. В таком новом информационном поведении, основанном на применении Интернета, мобильной телефонии, планшетов, приложений, то есть медиа, увидели человека медийного [11].

Итак, история показывает нам такую эволюцию: человек читающий — человек информационный — человек медийный. Важно, что каждая следующая ипостась человека не исключает предыдущие, естественно, смиряясь с тем, что им уделяется меньше времени и внимание. Иначе говоря, человек информационный не забыл о чтении книг, хотя не может уже читать столько же; а человек медийный не исключил из своей культурной практики ни чтения книг, ни посещения кинотеатра, хотя понятно, что распределение во времени этих культурных практик теперь совсем иное.

Для человека медийного текст как бы оторвался от своих носителей — книги, журнала, газеты, он появляется в его смартфоне, на экране его планшета и может быть сохранен в его личном электронном пространстве. Хотя зачем? В любую другую минуту он также быстро появится, чтобы служить — для информативной нужды или эстетического наслаждения.

Главное, чем отличается информационное поведение медийного человека, — свобода, он сам формирует собственное информационное поле, владея суммой информационных и медийных культур. Фактор мультипликации новых культур чтения действует и определяется личностью читающего, вплоть до различия в чтении каждого автора — когда, где, как. «Как же читать классиков? Толстого — порциями, Достоевского — залпом. Первый выдерживает марафонский ритм, второй — только истерический спринт, загоняющий читателя до смерти, иногда — буквально. С романами одного хорошо жить на даче, перемежая главы речкой, чаем, грибами. Книги другого читают, болея — не выходя из дома, не вставая с постели, не гася свет» [12]. И легко заметить, что здесь не идет речи о том, в каком виде читать названных авторов — книги с иллюстрациями, экрана электронной книги или планшета, смартфона (что-то еще может появиться завтра). Ведь чтение — это извлечение информации из текста, а не шуршание страницами.

Казалось бы, все, о чем идет речь, должно радовать людей, думающих о культуре во всем разнообразии ее культурных практик. Но, к удивлению, в новом видится только одно — клип. «Книга вытесняется клипом, броским и хлестким. Он длится несколько секунд и захватывает внимание целиком. Он отучает думать и сразу предлагает готовые выводы в легкоусвояемом виде» [13]. Да, клип — один из новых жанров медиатизированной визуализированной культуры. Но кто сказал, что он царствует в современном пространстве? Он не отменил ни один из жанров, получивших жизнь на более ранних этапах развития культуры и коммуникации. Показать и доказать это можно в специальной работе, но и сейчас в то, что клип занял все пространство современной коммуникации, поверить трудно.

Продолжая полемику с А.Десницким, одним из самых интересных медийных авторов, по вопросам, кстати, современного православия, можно отметить, что его тезис, сформулированный в той же статье, «мы живем в мире, сформированном книгами» — нет необходимости опровергать. Но важно подчеркнуть: это не значит, что мир остановился в своем развитии и требует этого от нас.

Конечно, реальная практика современного чтения многообразна, и нельзя сказать, что она понятна и изучена до мелочей. Можно предположить, что такое изучение выявит галерею типажей, занимающих особое место в практике современного чтения. Разумеется, среди них можно будет найти «наследников» гоголевского Петрушки, которым все равно, что читать и тем более смотреть. Чаще всего они оказываются привязанными к телевизору, не замечая всех остальных каналов коммуникации, что дает основание называть их «инвалидами телевидения» [14]. Наряду с ними в галерее могут быть представлены и инвалиды интернета, предпочитающие клип другим жанрам.

Если от проблем изучения перейти к культурной практике и культурной политике, то важно обратить внимание на то, что в рамках университета молодежь получает возможность приобщиться ко всем культурам чтения — книжной, информационной и медийной. В православном храме сегодня культивируется общение с сакральной книгой и современной религиозной литературой, можно услышать евангельское слово и проповедь священника. А когда университет и храм объединяют свои усилия в просветительской работе, можно думать о том, что все культуры чтения окажутся в опыте современных студентов, давая им возможность соединять в своем информационном поле лучшее из русской культуры и «новых горизонтов чтения» (Е.Добренко). При этом нельзя не отметить, что эти новые горизонты не освобождают от напряженного труда чтения, ведь иллюзия постоянной осведомленности оборачивается иногда беспомощностью в решении простейших интеллектуальных задач.

Университет — социальный институт, порожденный книжной культурой и культурой интеллектуальной беседы с профессором. Храм обращает нас к вечным книгам, они звучат и облагораживают наш слух и ум. И в

этом залог нашего оптимизма, уверенности в том, что новые информационные возможности обогатят культурный опыт молодежи, что даст в будущем достойные плоды.

1. Десницкий А. 451 градус по экстремизму // Газета.ру. 2.11.2015. URL: <http://www.gazeta.ru/comments/column/desnitsky/7866587.shtml> (дата обращения: 01.06.2016).
2. Аскарова В.Я. Динамика концепции российского читателя (конец X — начало XXI вв.). СПб., 2003. 426 с.
3. Аскарова В.Я. Мода в чтении: постижение смысла всестороннего исследования // Мода в кижной культуре: границы дозволенного: Сборник научных статей. Челябинск, 2010. С. 5-32.
4. Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. М., 1997 (репринт изд. 1899 г.). 347 с.
5. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 230.
6. Там же. С. 231.
7. Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 36.
8. Гоголь Н.В. Мертвые души. Поэма // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 7 т. Т. V. М., 1985. С. 18.
9. Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997. 321 с.
10. Этот термин предложен в 1992 г. М.Эпштейном в его одноименном эссе в «Независимой газете» (27.11.1992), выложенном в электронном архиве автора: <http://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/200011/30003014.html> (дата обращения: 01.06.2016). Термин использует, например, А.Генис, см. его эссе «Глаз и буква» в книге «Вавилонская башня. Искусство настоящего времени» (М., 1997. С.131-141), ка в пространстве постиндустриального общества» (Медиаскоп. 2009. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/352> (дата обращения: 01.06.2016)); «Человек медийный» как результат социального развития? // Медиаальманах. 2015. № 5. С. 8-11. См. интервью с нею М.Абаева и М.Ежихиной «Человек медийный» — новая ступень эволюции или приложение к гаджету? (Наука и жизнь. 2015. № 9. URL: <http://www.nkj.ru/open/27523/> (дата обращения: 01.06.2016)), а также: Мансурова В.Д. «Медийный» человек как проекция дигитальной онтологии // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2-2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mediynny-chelovek-kak-proektsiya-digitalnoy-ontologii> (дата обращения: 01.06.2016).
11. Генис А. Уроки чтения. Камасутра книжника. М., 2013. С. 26.
12. Десницкий А. Указ. соч.
13. Шмелева Т.В. «Инвалид телевидения» как медийный типаж // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2016. №2 (6). URL: <http://www.novsu.ru/file/1228888> (дата обращения: 01.07.2016).

References

1. Desnitskiy A. 451 gradus po ekstremizmu // Gazeta.ru. 2.11.2015. URL: <http://www.gazeta.ru/comments/column/desnitsky/7866587.shtml> (data obrashcheniya: 01.06.2016).
2. Askarova V.Ya. Dinamika kontseptsii rossiyskogo chitatelya (konets X — nachalo XXI vv.). SPb., 2003. 426 s.
3. Askarova V.Ya. Moda v chtenii: postizhenie smysla vsestronnogo issledovaniya // Moda v kizhnoy kul'ture: granitsy dozvolennogo: Sbornik nauchnykh statey. Chelyabinsk, 2010. S. 5-32.
4. Chistovich I.A. Istoriya perevoda Biblii na russkiy yazyk. M., 1997 (reprint izd. 1899 g.). 347 s.
5. Lotman Yu.M. Sotvorenie Karamzina. M., 1987. S. 230.
6. Tam zhe. S. 231.
7. Karamzin N.M. Izbrannye stat'i i pis'ma. M., 1982. S. 36.
8. Gogol' N.V. Mertvye dushi. Poema // Gogol' N.V. Sbranie sochineniy: V 7 t. T. V. M., 1985. S. 18.
9. Dobrenko E. Formovka sovetskogo chitatelya. Sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoy literatury. SPb., 1997. 321 s.
10. Etot termin predlozhen v 1992 g. M.Epshteynom v ego odnoimennom esse v «Nezavisimoy gazete» (27.11.1992), vylozhennom v elektronnom arkhive avtora: <http://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/200011/30003014.html> (data obrashcheniya: 01.06.2016). Termin ispol'zuet, naprimer, A.Genis, sm. ego esse «Glaz i bukva» v knige «Vavilonskaya bashnya. Iskusstvo nastoyashchego vremeni» (M., 1997. S.131-141). ka v prostranstve postindustrial'nogo obshchestva» (Mediascope. 2009. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/352> (data obrashcheniya: 01.06.2016)); «Chelovek mediynny» kak rezul'tat sotsial'nogo razvitiya? // Mediaal'manakh. 2015. № 5. S. 8-11. Sm. interv'y u s neyu M.Abaeva i M.Ezhikhinoy «Chelovek mediynny» — novaya stupen' evolyutsii ili prilozhenie k gadzhetu? (Nauka i zhizn'. 2015. № 9. URL: <http://www.nkj.ru/open/27523/> (data obrashcheniya: 01.06.2016)), a takzhe: Mansurova V.D. «Mediynny» chelovek kak proektsiya digital'noy ontologii // Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 2-2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mediynny-chelovek-kak-proektsiya-digitalnoy-ontologii> (data obrashcheniya: 01.06.2016).
11. Genis A. Uroki chteniya. Kamasutra knizhnika. M., 2013. S. 26.
12. Desnitskiy A. Ukaz. soch.
13. Shmeleva T.V. «Invalid televideniya» kak mediynny tipazh // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo. 2016. №2 (6). URL: <http://www.novsu.ru/file/1228888> (data obrashcheniya: 01.07.2016).

Shmeleva T.V. The culture of reading of a media person. The article discusses the concept of the culture of reading, which in historical terms reveals the figure of reader in three forms: a reading person, an informational person, a media person. It is said that the culture of reading is a sum of cultures: the church-book one, the literary and book one, the newspaper one, the magazine one, the Internet one. It is noticed that the formation of the reader was different in different eras, under the leadership of different social classes and the development of different formats of periodicals. Modern media culture accumulates more and more early cultures, ensuring their availability to the reader having a freedom in the choice of information sources and their content. The role of the University and the Church in maintaining a diverse reading culture of youth is emphasized.

Keywords: culture, reading, book, newspaper, magazine, Internet, reader, visualization, videocracy, media person, mediatization

Сведения об авторе. Т.В.Шмелева — доктор филологических наук ,профессор; профессор кафедры журналистики Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; szmiel@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 16.08.2016.